

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.10>

Борова Асият Руслановна, Хульчаева Марьям Хажидатуовна, Али Исмаил Амир Адам

Кайсын Кулиев: биография и дуальность мышления

Цель исследования - решить проблему влияния жизненных событий на глубинный порядок мышления балкарского поэта К. Ш. Кулиева. Анализируется инверсивный характер эволюции образного мышления Кулиева в период депортации балкарского народа. Научная новизна работы заключается в гипотезе о психологической бинарности системы социальной и рефлексивной самоидентификации художника. В результате выявлено, что переход к образам, реализованным на понятийно-рациональном уровне сознания, был для Кулиева вынужденным и неизбежным шагом, который, однако, в дальнейшем привёл поэта к уникальной форме лирической рефлексии, сущностным свойством которой было органическое единство трагического и жизнеутверждающего начал.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/11/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 11. С. 47-52. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. Атаев А. Кавказские диаспоры и общины // Москва. 2015. № 10. С. 161-176.
2. Биттирланы Т. Ш. Къарачай-малкъар диаспорада суратлау чыгъармачылыкъ = Литературно-публицистическая деятельность в карачаево-балкарской диаспоре. Нальчик: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН, 2015. 183 с.
3. Биттирова Т. Ш. Литература и фольклор карачаево-балкарского зарубежья. Нальчик: КБНЦ РАН, 2018. 192 с.
4. Биттирова Т. Ш. С любовью к родине отцов: сборник стихотворений авторов карачаево-балкарской диаспоры. Нальчик: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН, 2014. 186 с.
5. Кипкеева З. Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции. Ставрополь: Издательство Ставропольского гос. университета, 2000. 184 с.
6. Къарачай. 1991. 12 ноября.
7. Попков В. Д. Феномен этнических диаспор. М.: ИС РАН, 2003. 340 с.
8. Темукуев Б. Б. Под сенью гор: взлеты и падения: в 2-х т. Нальчик: Полиграфсервис, 2015. Т. 1. 540 с.
9. Ялхароева М. А. Литературно-публицистическая деятельность ингушской диаспоры в Турции. Назрань: Изд-во Ингушского государственного университета, 2008. 165 с.
10. Doğan I. Karaçay Malkar Şiiri. Türk Dili. 1996 // Karaçay Nartları ile Diğer Türk Dünyası destan Efsane ve Masallarındaki Benzerlikler. III. Beynelhaq Türk Dünyası Araştırmaları Simpoziumu. Afyon: Afyon Universiteni Basımevi, 2016. S. 365-369.
11. Doğan İ., Kaş M. Edige Destanında Geçen Tipler ve Motifler Üzerine // Noghais: XXI Centruy. History. Language. Culture. From Source to the Future. Cherkessk: Karaçay-Çerkes kitap Yayınevi, 2016. P. 92-102.
12. Kumuk ve Balkar Lehçeleri Sözlüğünün Bir Tahlili // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten. 1994. № 4. S. 37-47.
13. Mülteci Kamplarından Karaçay Malkar Türkçesi Mektupları. Eskişehir. Yayın Evi: Karaçay Kültür Derneği Yayınları, 1992. 135 s.
14. Türkiye Karaçaylıları ve Dilleri. Malatya: Altınçekiç Basımevi, 2012. 215 s.
15. Yusuf Baksan Efendioğlu'nun günlükleri. Ankara Karaçay Malkar Türkleri Derneği arşivi. Ankara: Yayın Evi, 2006. 86 s.

Professor Ismail Dogan and the Karachay-Balkarian Refugees (Muhajirs)' Letters

Bittirova Tamara Shamsudinovna, Dr
Institute for the Humanities Research –

Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik
tbittirova@mail.ru

The research objective involves revealing contribution of Professor Ismail Dogan, a famous Turkologist, author of numerous publications on national diasporas in Turkey, to studying the Karachay-Balkarian émigré community. Scientific originality of the paper lies in the fact that the researcher for the first time analyses the Turkish scientist Ismail Dogan's contribution to the Karachay-Balkarian studies. Special attention is paid to his work "Letters from Camps for Displaced Persons in Karachay-Balkarian Turkish" published in Konya in 1992. The conducted research allows concluding that I. Dogan contributed greatly to studying the Karachay-Balkarian diaspora's history and present-day life in Turkey.

Key words and phrases: Ismail Dogan; Yusuf Efendiev; Karachay-Balkarian émigré community; refugees' letters.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.10>

Дата поступления рукописи: 30.09.2020

Цель исследования – решить проблему влияния жизненных событий на глубинный порядок мышления балкарского поэта К. Ш. Кулиева. Анализируется инверсивный характер эволюции образного мышления Кулиева в период депортации балкарского народа. *Научная новизна* работы заключается в гипотезе о психологической бинарности системы социальной и рефлексивной самоидентификации художника. *В результате* выявлено, что переход к образам, реализованным на понятийно-рациональном уровне сознания, был для Кулиева вынужденным и неизбежным шагом, который, однако, в дальнейшем привёл поэта к уникальной форме лирической рефлексии, сущностным свойством которой было органическое единство трагического и жизнеутверждающего начал.

Ключевые слова и фразы: К. Кулиев; балкарская поэзия; лирическая рефлексия; северокавказская литература.

Борова Асият Руслановна, д. филол. н., доц.

Хульчаева Марьям Хаждаутовна, к. филол. н.

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик
assbora@mail.ru; mariam.li.18@yandex.ru

Али Исмаил Амир Адам

г. Нальчик

alkhabir86@mail.ru

Кайсын Кулиев: биография и дуальность мышления

Актуальность исследования полностью определяется самим выбором объекта анализа – поэзия Кайсына Кулиева может считаться показательным образцом развития творчества представителя новописьменных

литератур. Понимание характера эволюции и основных черт художественного мышления балкарского поэта, сформировавшихся в режиме преодоления кризисных явлений системного характера, представляет особый интерес в нынешних условиях стагнации и упадка литератур малочисленных народов.

Успех исследования предполагает решение ряда взаимосвязанных *задач*: установление соответствия между изменениями концептуалистики К. Кулиева и фактами его биографии; выявление связи концептуального контента и эстетической нормативики текстов поэта; выяснение корреляции между актуальными концептуально-эстетическими воззрениями К. Кулиева и его рефлексивными стандартами, характером художественного отражения.

Метод исследования – сравнительный анализ индивидуального стиля, образной системы произведений К. Кулиева на различных этапах его творчества.

Практическая значимость статьи заключается в том, что её основные положения и выводы могут быть использованы при подготовке студентов-бакалавров и магистрантов филологических факультетов в лекционных курсах по литературе народов России, а также спецкурсах, посвященных творчеству К. Кулиева.

Теоретическая базой исследования явились труды Р. А. Кучмезовой [5], Ф. А. Урусбиевой [9], Т. З. Толгурова [8], З. А. Кучуковой [6], М. Х. Хульчаевой, Х. Т. Тимижева, А. Р. Боровой, Н. Б. Бозиевой, Е. Х. Хежевой [11] – учёных и критиков, так или иначе касавшихся проблем творчества К. Кулиева.

В целом следует отметить, что исследователи творчества К. Кулиева по-разному оценивают особенности его индивидуального стиля, характер образности и уровень идеологической ангажированности поэта. Разнонаправленность характеристик имеет свои глубокие обоснования. Удивительная синтетичность мышления стихотворца, чей неповторимый слог вобрал в себя традиции совершенно разного культурного происхождения, странный, доходящий до наивности кларизм в представлении окружающего мира и одновременно необыкновенно изощренная многоярусная структура его лирической рефлексии – всё это сполна представлено в произведениях великого балкарского поэта и так или иначе нашло отражение в работах, посвященных ему.

Также невозможно однозначно определить, насколько гражданская позиция К. Кулиева совпадала с официальной идеологией государства. С одной стороны, нет ни одного дошедшего до нас стихотворения, содержащего открытое неприятие внутренней политики СССР [Ibidem], а благосклонность руководства страны по отношению к художнику выразилась в многочисленных официальных наградах, премиях и званиях. С другой, – Кайсын Шубаевич всегда дистанцировался от ура-патриотической лирики и лозунговой хвалебной агитки, как отмечал Ст. Рассадин, «я, кажется, только однажды в кулиевских книгах повстречал слово “партия”. В несильном стихотворении... где он благодарил наследников Ильича за то, что вернули балкарцев из сталинской ссылки» [7]. Да и сам отказ демобилизованного Кулиева остаться на родине многое говорит об его отношении к структурам госуправления и их решениям.

Тем не менее все учёные, критики и поэты едины в одном. Речь идёт об особом характере мироощущения балкарского стихотворца, проявленном на всех уровнях его поэтического мышления – от концептуалистики и тематики до образности, а также сенсорных характеристиках, таких как колористика, тактильные, обонятельные и вкусовые ощущения.

В наиболее кратком и в то же время обобщённом виде эту своеобразность выразила Ф. А. Урусбиева: «...предмет поэзии – сиюминутность, и тут же – экзистенциальные пустоты вечности. В его натурфилософии можно обозначить многие философские “измы”, но с поправкой на его “феноменологию” – чистую и бесструктурную, непреднамеренную, но принятую им как основу поэтической веры» [9, с. 19]. К «бесструктурности» прямого восприятия явлений реального мира мы ещё вернёмся, но в целом наблюдение, бесспорно, верное, отражающее главное качество поэтического мышления Кулиева – некую двойственность зрения, отмечавшего и отбиравшего для фиксации в качестве равноправных как конкретные материализованные и в высшей степени детализированные предметы бытийного окружения, так и обобщенные философские понятия и культурные универсалии и мемы.

Удивительная цельность природы соединялась в нём с ярко выраженной дуальностью мироощущения, ныне воспринимаемой как естественный, присущий любому большому творцу изначальный трагизм. Однако в данном случае подобное предположение опровергается ранним творчеством Кайсына Шубаевича, его доверенными стихами, пронизанными светлыми и исключительно радостными нотами незамутненного юношеского, даже детского отношения к реальности.

Есть и ещё одно характерное качество, свойственное очень ограниченному количеству лириков. Как правило, авторы в ходе своего развития и роста профессионализма переходят от понятийно-рациональной образности, от картин, выстроенных на автологических единицах, к более частным, конкретным представлениям, с преимуществом точных чувственных впечатлений, иногда с эффектом линейного приближения к описываемому объекту, позволяющему дать читателю разглядеть и прочувствовать мельчайшие элементы предмета: «Много матерей плакали у очага, / Много слёз, капнув на золу, там остались...» [4, с. 41], «Испечённой на огне (костре) кукурузы с рыльцами / Запах, вкус арбуза...» [Там же, с. 42], или абсолютное уникальное: «Мальчик в волнцем / Заполненных глазах телёнка, / Пристально глядя, своё / Лицо, (свои) зубы видит...» [Там же, с. 107].

Напомним, что эволюционное движение любых национальных поэтических систем можно рассматривать как движение от образов декларативно-обобщенного плана к предметной конкретике, к наполнению их содержанием, выраженным в непосредственных ощущениях, уже в своей совокупности выявляющих некую широкую идею. Во всяком случае, в качестве общей тенденции движение к рефлексивной сенсорике и детализации некоторыми исследователями трактуется как развитие и «совершенствование поэтической традиции...» [2, с. 174].

Однако творчество К. Кулиева отмечено абсолютным доминированием индуктивного восприятия лишь в довоенный период. Первые же его публикации, появившиеся после возвращения балкарского народа на родину, погружают читателя в мир, сотканный, конечно же, с применением «пластических» структур, но базирующихся на универсалиях и символике общекультурного плана. Резко меняется и глубинная онтология его произведений – апелляции к кодам и общецивилизационным концептам сопровождаются не декларациями собственного состояния в привычной этнической среде ближайшего доступа – родственники, соседи, прямые предки, окружающая природа и т.п. – а, скорее, широким и целенаправленным поиском нового места в мире и человеческом обществе в целом.

В сущности, Кулиев в начале своего творческого пути и Кулиев конца 1950-х – начала 1960-х годов – это, несомненно, один поэт, но два разных человека, во всяком случае, две личности, каждая со своим отношением к Вселенной. Предельно ярко это болезненное состояние выразил Е. Евтушенко: «Кулиев носил в своей душе трагедию своего народа и трагедию своей разодранной надвое души...» [10, с. 241]. Метаморфоза великого балкарского поэта отмечается многими – на разных ярусах реализации его индивидуальности, естественно видится и её причина: «Для необратимого разлома такой души и такого мира, как у Кулиева, Великая Отечественная была избыточной. Язычник, несущий в себе “абсолютную полноту бытия”, свой космос... попадает на войну. Война великим поэтам взрывает душу навсегда...» [5, с. 47].

Утверждение Р. Кучмезовой, в принципе, не даёт оснований для споров, но всё же путь Кайсына Шуваевича к своему новому «я» был несколько сложнее. Первый психологический надлом будущий поэт получил в глубоком детстве – в двухлетнем возрасте он лишился отца. никоим образом не утверждая, что столь малолетний ребёнок мог осознавать произошедшее, мы тем не менее считаем необходимым указать на то, что вся жизнь Кулиева до переезда в Нижний Чегем в новую семью протекала под сильнейшим влиянием личности Шувы. Отец поэта был знаменитым охотником на крупную дичь, славился своим мужеством, и, естественно, характер мальчика формировался в атмосфере почитания и восхищения Шувой. Можно думать, что известное, отмечаемое всеми пренебрежение к опасности, смелость в поступках, которые были присущи стихотворцу на протяжении всей жизни, выросли на памяти и реноме его родителя и обусловили многие поведенческие и психоэмоциональные нормы ребёнка – одно то, что в шестилетнем возрасте Кайсын Кулиев объезжал лошадей и получил кличку «лошадиная шкура», говорит о многом. Да и то, что «в стихах и воспоминаниях поэта практически не упоминаются эпизоды, связанные с отчимом» [Там же, с. 26], тоже знак отношения Кайсына к родному отцу.

Таким образом, вероятность того, что первое понимание дуальности мира пришло к стихотворцу очень рано, достаточно высока, и было оно неосознанным, но на уровне впечатлений и эмоций – вполне определённым. И именно с непосредственными детскими ощущениями, лёгкостью осознания бытия, обязательной для пяти-шестилетнего мальчика, мы связываем характер образности раннего Кулиева. Равным образом видится возможным напрямую сопоставить фактическое отсутствие обобщенных и понятийно-рациональных единиц (исключая, конечно же, социалистические символы и эмблемы) в его довоенных текстах с этим же детским, нерасчленённым восприятием.

Вторая причина – трагическая составляющая личности Кулиева пребывала в латентном состоянии до определённого момента, и именно она позволила поэту остаться самим собой в годы войны. Будучи несколько раз раненным, становясь на грань между жизнью и смертью, Кулиев тем не менее впитал военную реальность лишь частью своей души. Он уже знал, что мир не беспредельно светел, что жизнь бывает черна, и это знание спасло детскую, жизнелюбивую часть его личности. Она много позже убергла его от рокового шага – мало кто из знавших Кайсына Шуваевича мог предположить, что этого человека может одолевать тяжелейшая депрессия, но, по воспоминаниям тех, кто находился рядом в годы высылки, такое бывало [Там же, с. 64-65].

Раздвоенность сознания Кулиева чётче всего проявилась в типологии его стихов военных лет. Он, как всегда, работал очень много даже на фронте, непосредственно на передовой, и ожидаемо писал стихи, отражавшие безальтернативный конфликт советского человека с иной идеологией, иным миропониманием и системой ценностей. Однако среди текстов ожидаемой тематики иногда попадаются произведения, не имеющие видимого отношения к войне, представляющие знакомые по довоенному творчеству поэта картины природы, воспоминания о родине, о горах – привычную лирическую медитацию, быть может, лишь слегка отягощённую чувством тоски по Чегему, по его природе: «*На вершинах гор, по которым я соскучился, / Снег лежит, не тронутый ногой, белым. / Пусть моя любовь к моей земле во все времена / Будет (пребывает) похожей на тот снег, чистой-пречистой...*» [4, с. 276].

Судя по воспоминаниям самого Кулиева, война воспринималась им как страшное испытание, как горький урок, стоивший тысяч и тысяч жизней, но она не была чем-то фатальным для души поэта. Он продолжал работать и сочетание кровавой действительности и волн вдохновения ощущал как нечто вполне естественное: «1 октября 1941 года нас подняла боевая тревога. Ранним утром весь наш корпус самолётами направили к городу Орлу, который уже успела занять танковая армия гитлеровского генерала Гудериана. Брянский фронт был прорван фашистами, и они рвались к Туле и Москве. В то утро я сложил стихотворение “Сосны русские шумят”... Записать стихи не имел возможности. Запомнил так» [10, с. 36].

Сдвиг в мировоззрении Кулиева, произошедший во время войны, не был коренным изменением его личной философии и идеологии. Балкарский стихотворец оставался в той системе ценностей и жизненных ориентиров, которая сформировалась у него, как и у большинства советских людей, за два десятилетия Советской власти. Скорее, она была упрочена и развита самой ситуацией противостояния фашизму. Естественно, в границах своего

прежнего индивидуального стиля ему, как автору, уже полностью включённому в определенные институциональные структуры советской государственности, было трудно оперативно реагировать на поток информации и быстро меняющуюся обстановку. Поэзия Кулиева-раннего, как уже указывалось, была либо клишированно-лозунговой, наполненной однозначной семантикой советских пропагандистских формул, либо зиждилась на образных представлениях частного характера, практически интимных образах. Лирические двойники Кулиева не могли охватить новых масштабных тем в границах прежнего опыта и, главное, – средств выражения.

Однако у поэта были наработки в сфере отражения широких обобщенных понятий – хотя бы в виде этнических архетипов и основных паттернов, таких как «горы», «вершины», «камни» и т.д. – сам ландшафт предполагает более «объектную», нежели процессуальную манеру эстетической рефлексии жителей Кавказа. С другой стороны, та часть сознания стихотворца, на формирование которой повлияли фронтовые переживания и впечатления, была изначально ориентирована на создание образных типологических представлений [1]. И именно военная лирика Кулиева впервые представляет читателю широкий диапазон масштабной (в смысле ассоциативного контента) символики: «Когда идущий с тобой в атаку друг / Падает, сжав зубы, / Идём мы вперёд – достать в бою / Врага нашей местью, похожей на огонь...» [4, с. 277]. Или: «Да, труден был наш путь, / Как будто идти в степи в жаркий день без воды, / Словно в бурани, не дающем открыть глаза, / Балкарец переваливает через высокий перевал...» [Там же, с. 287]. Ещё один пример: «На траву, на снег упавший и оставшийся (так) / Смелчак, не встанет, чтобы рассказать свою историю, / Упавший с коня, покрытого кровавой пеной пота, / Не вернётся к вам, чтоб рассказать о себе...» [Там же, с. 290]. Тексты в двухтомнике 1958 года распределены самим автором, поэтому мы предполагаем, что три процитированных нами произведения, написанные в 1943 году, представляют некую временную последовательность и дают возможность оценить те изменения, которые происходили с индивидуальным стилем поэта в течение относительно короткого времени.

Первое стихотворение – «Сегодня» – в сущности, обращено к устойчивой этнической памяти балкарцев. Этическая норма недалёкого прошлого – кровомстительство – положена в основу эмотивной канвы произведения и поддержана общечеловеческим мимическим жестом («сжатые зубы»). Так же универсален образ погибающего товарища, имеющий приблизительно одинаковую семантику во всех культурах. Ещё раз отметим, что несущий концепт произведения в данном случае – «месть врагу», вполне вписывающийся в традиционные институциональные морально-этические представления горцев.

Следующий текст в полном соответствии с названием стягивает все моменты лирического переживания к образу, точнее, к архетипу пути. Последовательность презентаций Кулиева в высшей степени иллюстративна: он вводит в рефлексивную модель образ линейного горизонтального пути, лежащего на плоскости. Это очень далеко от этнического понимания архетипа – для горца ощущение дороги скорее заключено в вариациях вертикальной локации. И Кулиев, чувствуя это, в заключительных строчках строфы возвращается к этническому началу – «дорога-перевал». Однако, резюмируя содержание отрывка, мы должны всё-таки выделить в качестве стержневого семантического ядра именно общечеловеческий, данный с акцентом на деэтизацию архетип – путь по горизонтали.

И стихотворение, которое можно назвать программным на этом этапе творчества, – «Людам будущего». Простейший подсчёт выразительных структур, которые могут называться сенситивными, материализованными, показывает, что эта фирменная мета индивидуальной поэтики Кулиева в произведении представлена достаточно скромно, даже в чисто количественном отношении. «Дым войны, который я нёс на себе», «Кожей своей и молодой силой, раздробленными своими костями», «горящая копоть» – это, пожалуй, и всё. В то же время текст буквально пронизан обобщенными, условно-литературными и понятийными формантами. Нигде ранее в стихах балкарского поэта они не встречались в таком количестве и, главное, – в таком показательном и явном качестве абстрактных универсалий: «Скорбь», «беда», «горе», «победа», «будущее», «радость», «ненависть», «любовь», «несчастья», «мужество» – и это лишь автологические номинации, лишь часть отвлеченных семантических формант, присутствующих в произведении.

Процитированный выше отрывок, пожалуй, наиболее «пластичен», стоит ближе всего к стилю раннего Кулиева, но и здесь, как мы можем убедиться, автор дистанцируется от национальной эндемичности образа, и «конь, покрытый кровавой пеной», не обладает специфичной балкарской ассоциативностью. Здесь, по всей видимости, следует отметить, что общекультурный архетип «коня» – «боевого коня» в ипостаси «загнанного коня», покрытого кровавым потом, горцам-тюркам чужд по определению, так как это противоречит реалиям национального природного окружения: балкарцы жили в таких местах, что долгая скачка лошади на верхних аллюрах могла быть только редким исключением. С другой стороны, почитание скакуна, столь свойственное всем номадическим культурам, в полной мере сохранилось и в балкарской картине мира – у них, как и у всех других тюрков, образ запалённого героя коня отсутствует и в эпосе, и в позднем фольклоре.

«Конь, покрытый пеной кровавого пота» – символ новейшего времени, он внеэтичен и происхождение своё ведёт из неомифа советского искусства. Равным образом и боец, лежащий на траве, боец, лежащий на снегу, – всё это условная эмотивно гипертрофированная символика Гражданской войны.

То есть военное творчество Кулиева с точки зрения трансформации его образного мышления представляло собой постепенный отход от актуальной конкретики этнического плана к общекультурной символической. Это было вполне ожидаемо, если учитывать задачи и цели литературы военных лет. Но такой процесс отнюдь не означает кардинального пересмотра всего мировосприятия личности художника. Наоборот – преобразование подобного рода создаёт предпосылки к дальнейшему углублению и расширению художественной рефлексии, интеграции в модели сопереживания нового выразительного инструментария и расширению

используемого объектного ряда, что особенно характерно именно для Кулиева. Способность к наращиванию семантики поэтического представления привнесением в него нового контента без потери уже освоенного была важнейшей характеристикой его эстетического мышления [8].

Эта линия его прогресса как автора оказалась под угрозой уже после войны. Депортация балкарского народа тяжело сказалась на душевном состоянии поэта. Не вдаваясь в подробности его переживаний и психического состояния, заметим, что в воспоминаниях самого Кулиева она отражена короткой ремаркой: «Чтобы жить, я работал чрезвычайно много. Пил тоже немало...» [10, с. 49]. Обратимся к его текстам этой поры. «*Как бы хорошо ни было в гостях, / Лучше любого места – твой бедный дом. / Ты любую, самую лучшую песню не пускай / В место, оставленное в твоём сердце для нас!*»; «– *Ой, добрая (добротная) песня, песня мужества! / Прости меня за то, что спросил – кто ты! / Если у меня и нет смелости моего отца, / Я все же люблю свои горы!*» [4, с. 259] – выход Кулиева на морально-этические констатации, что было для него совершенно не свойственно, обусловлен образным строем стихотворения – «разряжённые» условно литературные объекты полностью заполняют весь объем текста, и автор даже не стремится каким-либо образом создать сенситивный акцент. Он предпочитает сугубо автологические единицы, что в корне противоречит базовым основам образного мышления раннего Кулиева. Обращение к обобщенно-понятийному классу выразительности намеренно или неосознанно подкреплено включением в текст прямой идиоматической вставки «В гостях хорошо, а дома лучше», практически одинаково звучащей в словесном творчестве всех народов.

В движении к дематериализации собственных поэтических презентаций Кулиев идёт ещё дальше: «*Ночью в горной теснине рыси, / Рыси кричали, / В заполненных ночной тьмой / Горных теснинах – рыси! / Я на крики рысей / Своей осторожной песней о тебе / Отвечал на рысей / Крик в туманной теснине...*» [Там же, с. 365]. Проследим за изменением семантики «рысей». Уже первое сопоставление – «рыси в горной теснине» и «рыси кричали» даёт читателю два варианта интерпретации одного объекта. Дублиаж формально представляет различные субъектно-предикативные состояния каждой части повтора, однако де-факто автора, как выясняется, рыси вообще не интересуют. «Рыси» существуют и «рыси» кричат – иной информации о них Кулиев не даёт. Все остальные упоминания о рысях ничего нового в их семантическое содержание не вносят. Это сторонний аргумент душевного состояния лирического «я», и каждое их появление в стихе всё больше и больше выхолащивает собственное содержание данного аргумента, переводя центр сопереживания на незримо присутствующего героя. Кулиев целенаправленно и осознанно выводит «рысь» из реестра реальных объектов, превращая её в условно-литературный знак, в этом конкретном случае автор чередует процессуальное представление рыси и субъектное с вполне определённой целью: нематериальная, условно символическая «рысь» в конце концов уподобляет себе и «рысь кричащую». Заключительный аккорд – смысловой акцент на действии рыси: последние строчки обыгрывают не сам объект, а его действие – «крик». «*Снег колен твоего коня / Достиг. Вперёд! / Грива твоего коня белым бела / Стала. Гони, гони!.. / ...Впереди занесённый снегом Уллу эль. / Там – свет очага (огня). / Покуда до него не доберёмся – остановки нет, / Хлеци плёткой!..*» [Там же, с. 278] – похожий пример. Стихотворение также построено на смысловом рефрене – снег поочерёдно достигает колен коня, его брюха и т.д. Рефрен – сам по себе – по ходу своих циклических появлений в тексте теряет изначальную семантику, приобретая характер смысловой цезуры или ритмоорганизующего конструкта. В крайнем выражении это свойство повтора возводит (или низводит) его в полностью неконтекстуальный элемент, никак не связанный с окружающими образами. Поэтому конечный ориентир движения лирического героя – Уллу эль – ощущается вполне логичным. Помимо названия конкретного населённого пункта в горной части Кабардино-Балкарии, существовавшего до депортации, «Уллу эль» имеет и другой смысл – «большое поселение – большое общество – народ» [3, с. 676], в конечном итоге – «большая родина». Иносказательное содержание топонима очевидно, и для нас важным видится то, что никогда ранее Кулиев не трактовал подобным образом единичные названия, они для него всегда были конкретными населёнными пунктами со своим своеобразным и неповторимым антуражем.

Основные **выводы** исследования: депортационный период творчества Кулиева ознаменован появлением в его текстах совершенно неожиданной для поэта подобного склада образной структуры – понятийного, условно-символического объекта, существующего лишь в виртуальном поэтическом пространстве. Это базовые общекультурные универсалии, но основное, что говорит нам о резком изменении мироощущения писателя именно в эти годы, – изменение апперцептивного статуса его образной системы. Кулиев пришёл в литературу со своим уникальным образным миром, и уникальность эта изначально зиждилась на индивидуальном ощущении от конкретного явления во всей полноте его чувственных характеристик. Такое качество приходит к большим поэтам в процессе их поступательного развития, балкарский же автор в части параметров эстетической рефлексии, казалось бы, сделал очевидный шаг назад, воспринимать который иначе, как следствие системного кризиса, невозможно. Сегодня, оценивая всё творчество Кулиева, мы знаем, что высшие, пиковые проявления его поэтического дара были ещё впереди. История литературы даёт нам множество подобных примеров с фатальным – творческим и жизненным – исходом. Нет никакого сомнения, что Кулиев отличался высокой силой духа с глубокого детства, быть может, заложенной в нём на генетическом уровне. Но также бесспорным видится и то, что судьба поэта сложилась так, что он был готов к тяжелейшим психологическим ударам. Две стороны его личности, детерминированные реалиями его жизни, по всей видимости, образовали некий компенсаторный механизм, позволявший сохранить его творческий потенциал в режиме селективного восприятия событий – раздельно имманентно – до какого-то порога. В 1950-х годах эта точка ещё не была пройдена, что, вероятно, спасло Кулиева как личность и художника. А в дальнейшем в движении к внутреннему единству двух сторон его натуры был окончательно сформирован феномен удивительного совмещения трагического и оптимистического начал, ярко проявленных в человеке и его произведениях.

Перспективы дальнейших исследований видятся нам в возможности определения корректной модели эволюционного развития эстетического мышления и образной рефлексии автора (не только К. Кулиева), в рамках которой будут очевидны механизмы и инструментарий преодоления кризисных и стагнационных явлений как индивидуального порядка, так и в целом национальных поэтических систем.

Список источников

1. **Борова А. Р.** Принципы эстетической адаптации поэтического мышления и их типология // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 6 (48). Ч. 2. С. 45-48.
2. **Гинзбург Л. Я.** Частное и общее в лирическом стихотворении // Вопросы литературы. 1981. № 10. С. 152-175.
3. **Древнетюркский словарь** / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 678 с.
4. **Кулиев К. Ш.** Избранное: в 2-х т. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1958. Т. 1. 424 с.
5. **Кучмезова Р. А.** Кайсын Кулиев: «Вечен тот, кто вечному внимал...». Жизнь и творчество. Нальчик: Эльбрус, 2014. 264 с.
6. **Кучукова З. А.** Онтологический метакод как ядро этнопоэтики. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2006. 312 с.
7. **Рассадин С. Б.** Операция «Дружба народов», или Добровольная ссылка поэта Кайсына Кулиева [Электронный ресурс]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2002/09/16/13816-operatsiya-druzhba-narodov> (дата обращения: 07.08.2020).
8. **Толгуров Т. З.** Эволюция тканевых образных структур в новописьменных поэтических системах Северного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 284 с.
9. **Урусбиева Ф. А.** Уровни чтения. Нальчик: Эльбрус, 2010. 248 с.
10. **Я жил на этой земле...: Кайсын Кулиев. Портрет в документах** / сост. и авт. предисл. и коммент. Ж. К. Кулиева. Нальчик: Эльбрус, 1999. 512 с.
11. **Timizhev K. T., Bozieva N. B., Borova A. R., Khulchaeva M. K., Khezheva L. K.** The study of national spiritual features of the North Caucasian peoples in the historical perspective through the analysis of fiction // European Journal of Science and Theology. 2018. Vol. 14. № 4. P. 109-117.

Kaisyn Kuliev: Biography and Duality of Thinking

Borova Asiyat Ruslanovna, Dr

Khulchaeva Maryam Khazhidautovna, PhD

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik
assbora@mail.ru; mariam.li.18@yandex.ru

Ali Ismail Amir Adam

Nalchik

alkhabir86@mail.ru

The study aims to solve the problem of the influence that life events had on the deep way of thinking of the Balkarian poet K. Sh. Kuliev. Inverse nature of evolution of Kuliev's conceptual thinking amidst deportation of the Balkars is analysed. Scientific novelty of the work lies in hypothesising about psychological binarity peculiar to the system of the artist's social and reflective self-identification. As a result, it was found that Kuliev's transition to creating images actualised at the notional-rational level of consciousness was a necessary and inevitable step, which later made the poet adopt a unique form of lyrical reflection with organic unity of tragic and life-affirming principles as its essential feature.

Key words and phrases: K. Kuliev; Balkarian poetry; lyrical reflection; North Caucasian literature.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.11>

Дата поступления рукописи: 13.10.2020

Цель работы – исследование поэтики сна в произведениях якутского писателя П. А. Ойунского. В статье проводится анализ формы, структуры и функции сна в драматической поэме «Красный Шаман» и прозаических произведениях; определяются типы и виды снов. **Научная новизна** заключается в анализе поэтики сна в произведениях П. А. Ойунского в контексте поэтики жанра. **Полученные результаты** показали, что в произведениях П. А. Ойунского типы и виды снов различаются от описательного до сюжетно-фантастического, и каждый из них имеет свои собственные композиционные и идейные задачи: раскрытие идейного замысла произведения, представление и осмысление эмоционального состояния и действий героев, предвещание дальнейшего развития сюжетного действия.

Ключевые слова и фразы: якутская литература; сон как литературный прием; поэтика сна; П. А. Ойунский.

Григорьева Людмила Павловна, к. филол. н., доц.

Иванова Ася Герасимовна

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск
grigormila@mail.ru; asya_ivanova1998@mail.ru

Поэтика сна в произведениях П. А. Ойунского

Исследование творчества Платона Алексеевича Ойунского (1893-1939), основоположника якутской советской литературы, начиная со второй половины XX века постоянно находилось в русле актуальных проблем